

Bosun Gromov

AN ACCIDENT AT SEA

The arrival of the cargo ship *Igarka* was delayed due to a severe storm in the North Sea. The wind force was about 20 metres per second and as the Captain of the *Igarka* had reported to the shore station it was difficult for the ship to keep her course.

The ship could make only 2 or 3 miles per watch as her propeller was seriously damaged. The damage to the propeller had occurred before the storm began, when a floating log struck against the propeller and damaged it.

Captain Gavrilov decided to continue the voyage and to repair the propeller at the port of destination. The storm was becoming stronger and stronger and the wind reached the hurricane force. The ship had a list to starboard. Due to a considerable pitching and rolling the list was gradually increasing and soon it reached 25 degrees.

The situation was very dangerous, as the ship could capsize. The Master ordered the Chief Officer to inspect the holds and to find out what caused the list.

Soon the Chief Officer returned to the navigating bridge and reported:

"The cargo in holds one and two has shifted to starboard, sir."

"Had you inspected the holds before leaving Glasgow?"

"Yes, but most probably the cargo wasn't properly fastened by the British stevedores."

Suddenly the list increased and they heard the voice of the Second Officer:

"Boatswain Gromov has fallen overboard!" "Stop engine! Slow astern! Steady! Switch on the searchlight!" the Master commanded.

Soon the ray of light pierced the darkness¹ and the seamen saw the man who was fighting the waves to keep himself on the surface.²

"Launch the life-boat. Eight hands in the boat!" ordered the Captain.

The sailors rushed to the life-boat. Pushed by the wind it moved fast to the Boatswain who was becoming weaker and weaker. Soon the seamen's strong hands helped the man out of the water and some minutes later the boat and the people were on board ship again.

When the ship's doctor was rendering the Boatswain the first aid the crew heard the Captain's command:

"All hands into holds! Fasten the cargo!"

Everybody rushed to the holds. The sailors did their best to save the vessel and the cargo. After they had fastened all the shifted boxes, bales and bags the list decreased to 10 degrees. The ship could proceed to the port of destination.

By the time of the arrival the wind and the sea had moderated. The *Igarka* moored in the port of Archangelsk with a 35 hours' delay. One more voyage was over.

Езда (реж. Ян Сверак):

- Когда я смотрю вверх на небо, я вижу два маленьких пузырька, или пятнышка.
- Где?
- Только я могу их видеть. Они где-то у меня в глазу. И они как-бы проплывают по небу. Когда я на них не смотрю, они перемещаются туда, куда я смотрю, а когда я пытаюсь на них смотреть, они перемещаются по собственному усмотрению. Поэтому я притворяюсь, что не смотрю на них, и они тогда возвращаются обратно. Так я и гоняю их по всему небу.
- А у меня есть маленькая чёрточка. Я уже давно её не видела, но она всё ещё там.
- А какая во всём этом мораль?
- Незнаю.
- Это как бы первая видео-игра на свете.

Июль на Миссисипи. Нужно встречать лоцмана, и я стою на трапе. В дождевике. Между сверканием молнии и раскатами грома промежутки всё сокращаются. На ладонь что-то попало. Вижу каплю на своей коже и поднимаю глаза — ливень бьёт по поверхности воды сначала мелкими островками, то тут, то там, а через секунду — всё сливается. Дождь льёт сверху, отражается в реке и льёт снизу. Вода повсюду. Надеваю капюшон не сразу — мне капли воды в воздухе нравятся гораздо больше того зловонья, которое стояло минуту назад. Аллигаторы около берега показались на поверхности.

Это страх. Я этим занимаюсь, пытаюсь от него избавиться.

Вчера ночью я плавал в бассейне.

Этот бассейн, то есть, не бассейн вообще.

В самом деле, это такая практически квадратная ёмкость со сторонами в три метра, которые мы с Мишей красили в тёмно-синий. Морской воды в нём было мне по подбородок, но это я низкий. Я расслабил всё тело кроме шеи, которой держался за леер, что бы голова не шевелилась, пока я смотрел в небо. Только тут можно увидеть столько звёзд. Я позволил себе немного помечтать. Даже почти придумал, что загадать, когда звезда падала. Луна в южном полушарии тоже выглядит совсем не так как в том, из которого я родом. Совсем по-другому входит в каждую из своих фаз. Потом начало качать и я ощутил себя размякающим сухарём в тарелке супа. Вода наваливалась то на одну то на другую сторону. И меня так же носило туда-сюда. А я всё смотрел на звёзды — теперь казалось, что всё небо со всеми звёздами шатается. Качается мироздание. Размеренно, плавно, с остановками на пике амплитуды. «Пик амплитуды» - кто так вообще скажет. Я представил, как всё рушится там, везде кроме этого бассейна и этого корабля. Когда солнце только начало всходить, мир качнулся, загнав его обратно за горизонт, и за секунду утра не стало. А солнце больше так и не вышло. Если бы так, люди поняли бы, как мало осталось времени. Наконец-то прекратили бы работать все заводы, все блядские рестораны. Прекратили бы выходить тупые комедии и мелодрамы про обычных офисных работников. Больше не рубили бы лес. Забросили бы больницы, страховые компании, адвокатские конторы, цирки. Тюрьмы перестали бы охраняться, военкоматы прекратили бы призыв, армии опустели бы. Ведущие теленовостей послали бы всё к чертям. Люди отбросили бы любые идентичности и начали бы заниматься любовью. Все без исключения и каждый по-своему. Родители детей любили бы их и друг друга. Счастливые наслаждались бы друг другом в последние разы, несчастные примирились бы и влюбились бы заново. Расисты не обратили бы внимания в этот раз на цвет кожи и акцент. Сексисты заткнулись бы при виде женщин, ищущих на улицах любовников. Гомофобы решили бы попробовать гомосексуальную любовь. Даже детям и отрокам, которые этого хотят, разрешили бы наконец-то заняться любовью. Идеальный мир вышел бы. Может даже на минутку настала бы анархия, до того как кто-нибудь не начал бы грабить и убивать. А я был бы в открытом, блядь, океане и ничего бы не увидел. Хорошо хоть до смерти не нужно было бы делать корректуру карт. Интересно, кто позвонил бы домой по спутниковой связи первым? Капитан ли, или вся идеальная иерархия уступила бы общей большой драке. «Сидят там, ёб, нихера не понимают! Им в голову что-нибудь взбредёт, а мы ебашим на палубе сутками!».

Интересно, если моряк повесится на сушке, тело следует передать воде или переправить на берег?

Вот я здесь. Зачем? Для получения жизненного опыта. Нет, заново. Я ненавижу опыт. Мне противно слово и сам предмет, который оно обозначает. Опыт — удел тех, у кого так ничего больше и не было, кроме этого самого «опыта». Что они вообще обозначают этим словом? Служащие, наёмные однодневные работники, уважаемые господа и дамы. Они только и твердят, что об опыте. Чем больше опыта они имеют, тем больше жалких историй они смогут тебе толковать при ещё большем количестве случаев. У них есть советы, вроде «учись усердно, ты же не хочешь жить как эти бродяги», после которых они могут привести пару случаев из их опыта с весьма поучительным финалом. У них есть вопросы, призванные поставить тебя в тупик: «А чем же ты тогда хочешь заниматься?», «Где ты будешь жить?» и т. д. Вопросы задают они. Они и сами-то, наверное, не в силах понять, что весь свой опыт они позаимствовали у кого-то ещё, кто до них так же незаслуженно присвоил его себе. Что они сделали, что бы заслужить право рассказывать хоть одну из этих историй? Где сами они были? Они просиживали за журналами и книгами в то время, когда ещё могли читать. Учились и работали, ходили по воскресеньям в кино, восхищались друг-другом и своей похожестью. Больше всего им нравится, когда один из них говорит в слух то, что второй думает про себя. Как же они ценят универсальность своих мыслей! И опыт их универсальный, один на всех. И всякий должен к нему приобщиться, не привнося ничего извне, дабы не нарушить сбалансированность жизненных устоев. Конечно, всё это может преподноситься под разными соусами и быть выкрашено в разные цвета — современная массовая культура, притворяясь децентрализованной и неоднородной, представляется в виде хаотичного и неупорядоченного набора субкультур и социальных групп. Но разве это важно? У каждого из этих институтиков есть кое-что общее — они не отрицают опыт. Просто кто-то будет работать на заводе, кто-то в офисе, кто-то барменом в модном у студенток мед. института баре. А я пошёл в море. Так зачем, снова, я здесь. Если честно, я и сам не знаю. Может, подобравшись настолько близко к самому основанию опыта я стараюсь его избежать, не попасть под его влияние. Как в фильмах, когда у самой цитадели зла герои готовятся к бою. Или я стараюсь найти что-то новое, убежав от всех возможных источников опыта там, на берегу. Может быть, я надеюсь пережить это долбаное приключение? Или я был настолько наивен, полагая, что море — это что-то особенное; что раз не каждый может ходить в моря, и далеко

не все посвящены в тайну морских традиций и понимают всю эту специфическую терминологию, от которой так и смердит за милую романтикой, что раз так, то это может дать мне свой, настоящий, новый опыт? Точнее даже не опыт, а переживания. Переживания нужно пережить. Но скорее, нужно просто принять, что я тут оказался. Так близко к этой самой среде, которую я уважаю и люблю, которая значит для меня так много. Когда я хожу на свой пляж, который эти выродки хотят у меня украсть, проведя туда дорогу и поставив грёбанные домики. И в то же время в среде мною ненавистной, среди своих врагов, людей, которых при других обстоятельствах я и близко бы к себе не подпустил и с которыми никогда бы не заговорил. В конце концов, не важно, из-за чего я тут и что к этому привело. Это не столь безразлично мне и, наверное, не так интересно всем остальным. Надо постараться избежать литературности. Я не роман пишу, а вы его не читаете. Это же всё таки дневник. Не знаю, как ещё это можно назвать, надеюсь можно назвать и зином. В конечносчёте, некоторые и не такое зином называют.

Ну, в общем-то все писатели не слишком честны. Всем ясно, что все герои всегда берутся из реальной жизни, и сам автор всегда прячется под уменьшенным именем одного из персонажей. Поэтому быть писателем плохо. Всё несчастное плохо. Я рассказываю о себе. Я Боулан. Меня зовут Громов.

Найтовить - связывать веревкой, делать найтов.

Апанер - положение каната, перпендикулярное к воде, при выхаживании якоря, когда последний еще не встал, т.е. не отделился от грунта.

«Сильный ветер на Ямайке» (Р. Хьюз)

«И тут с Эмили что-то случилось, очень важное. Она вдруг поняла, кто она. Трудно сказать, почему это не произошло за пять лет до того или не могло бы случиться еще лет через пять; и уж совсем непонятно, почему это пришло как раз в тот день. Только что она играла в дом, на самом носу корабля, в укромном уголке за брашпилем (на нем висел чертов палец вместо дверного молотка). Потом игра эта ей как-то наскучила, и она пошла на корму, просто так. И по дороге что-то думала про пчел и про сказочную принцессу; и вдруг в мозгу у нее сверкнуло, что она - это она. Эмили остановилась как вкопанная и стала оглядывать себя всю - все, что можно было увидеть. Видно было не так уж много - платье спереди да руки, когда подняла их, чтобы рассмотреть, - но этого оказалось достаточно, чтобы составить представление о маленьком теле, про которое она вдруг поняла, что это - ее тело.

Она рассмеялась, даже с издевкой, пожалуй. Подумала: "Вот это да! Это ж надо, что тебя - из всех людей как раз тебя - вот так поймали! И теперь ведь никуда не деться, не вылезть. Во всяком случае, не скоро: это надо вырасти, прожить всю жизнь, состариться - тогда только избавишься от этого дурацкого наряда!"

Дело было исключительно важное; она решила уберечься от возможных помех и полезла по выбленкам на свою любимую смотровую площадку, у самого верха мачты. Лезть было совсем просто; но каждый раз как она двигала ногой или рукой, ее снова и снова изумляло, до чего послушно они двигаются. Память ей, конечно, подсказывала, что так было всегда; но раньше она не замечала, насколько это удивительно. Устроившись на своей площадке, она занялась изучением кожи на руках и делала это чрезвычайно внимательно: ведь эта была ее кожа. Потом высвободила плечо из-под платья, заглянула себе за пазуху - убедиться, что под одеждой она тоже есть, - и при этом коснулась плечом щеки. Когда теплая ямка голого плеча коснулась лица, ощущение было такое, будто ее приласкал кто-то добрый-добрый. Но откуда пришло это ощущение - от щеки или от плеча - и кто кого погладил - щека плечо или плечо щеку,- этого она никак не могла понять.

Окончательно убедившись в том потрясающем факте, что теперь она - Эмили Бас-Торнтон (откуда взялось это "теперь", она не знала; уж конечно, ей не приходила в голову такая чушь, будто раньше она была кем-то другим), она стала размышлять, что же теперь будет».

«Мы тогда на Сахалин ходили с экспедицией. Там тогда как раз только начинали этот проект, «Сахалин-1», или «Сахалин-2». И вот мы там изучали, как шумы от буровых могут китам навредить и как вообще всё это влияет, значит. Ну, потом всё свернули. Коммерция победила, конечно» - это Олег мне рассказывал, как они на Сахалин ходили.

–Приятного аппетита.

–Я уже поел.

–Эм... Да, я как-то не заметил.

–Угу. Ну ты и мудака... Что молчишь? Давай, скажи что-нибудь! Вот мудака, молчит! Ты что, себя лучше всех считаешь?

–Ты...

–Да заткнись уже!... Ты думаешь, мы не догадываемся, кто ты на самом деле? «Приятного аппетита!» Ты же мясо не ешь только что бы нас трупоедами считать, так? Ты святой, мы все пидорасы! В курилку не заходил ни разу. Мы же всё знаем. Пишешь, да? Ну! Ни одного диалога не написал. Это же херня какая-то.

–Я не пишу ничего. И трупоедами я вас не называл!

–А что ты мясо тогда не ешь? Животных жалко? В портах вон весь ещё.

–Мне никого не жалко!

–Вот то-то и оно! Матери когда звонил последний раз? Думаешь, из-за кого она тоже мясо перестала есть? А в детстве помнишь, когда ты учиться плохо стал, кто с тобой химию эту учить стал? Самостоятельный, да?

–Мама всегда обо мне слишком заботилась. Я её об этом никогда не просил.

–Да ты просто урод!

Махнул рукой на меня и ушёл. Не знаю, может он и прав. Но мать всегда была ко мне слишком привязана, а я хотел быть хоть чуточку посвободнее. Ставила в угол, била ремнём и говорила, что будет больнее, если не перестану реветь — закаляла мужской характер. Из дома уходил на несколько дней, а потом она со мной не разговаривала. Такое вообще частенько случалось в те дни: стоило мне в чём-нибудь провиниться, она переставала со мной общаться. Был помладше — чувствовал себя от этого таким виноватым, что думал, что уже никогда она меня не простит, а постарше — наоборот, отдыхал от её вечной критики и замечаний. Но всегда помогала. Каждый раз, когда у меня что-нибудь не выходило, она была рядом и переживала всё так же как я сам. Это и стало настоящей проблемой. Что бы меньше с ней общаться, стал употреблять всякую дрянь и пропадать подолгу — что бы не было о чём ей рассказывать. Отучился в школе, которую она для меня выбрала, поступил, куда она хотела бы, что бы я поступил. Потом почти ушёл из этого проклятого места. Приехала в деканат. До сих пор помню этот балаган. Начальнику факультета не хватало только красного паралонового носа, а командиру — разноцветных шариков. Долгие взгляды, которые я должен был не выдержать и под тяжестью своего раскаяния опустить голову. Я опускал, но что бы сдержать смех.

–Вот ты мне скажи, ты вообще осознаёшь, что тебя ждёт, если ты вот так возьмёшь и уйдёшь? Тебя же в армию заберут!

–А что тебя конкретно не устраивает? - декан наконец-то вклинился в обсуждение.

Мать, как и в детстве, решила отвечать за меня: «Он уезжать собрался, понимаете? И билеты уже купил!» На этот раз я не мешал ей — пусть сами решают, что произошло и что теперь делать, мне это было не слишком-то интересно.

–Да, знаю я таких, путешественников! - тон командира был таким уверенным, презрительным, и при том, что он это говорил моей матери, что я стал высматривать среди ручек, лежащих на столе декана, самую прочную, что бы воткнуть её в глотку этому уставному моралисту с бородавкой под правым глазом. - У меня в семье один есть такой, понимаете? Вот он путешествует себе, хиппует, свободой там наслаждается, а на похороны матери родной не приехал!

В эту минуту я ненавидел и презирал его даже больше, чем за всё время моего обучения. Он был так жалок, капитан второго ранга, но я не стал бы его жалеть, если бы только можно было безнаказанно выразить всё это тогда не словами, а делами.... Себя мне было тоже не жалко — я знал, что этот ублюдок просто выливает на меня столько грязи, сколько может, что бы я сорвался и наговорил им лишнего. Чёрта с два! Но мама, вот её мне было действительно жалко. Я знал, каково ей было.

Потом всё это тянулось так долго. Закончилось, когда они наконец-то поняли, что со мной не о чем разговаривать, потому что я сказал только, что форма в их заведении говёная. По пути из кабинета декана мать провожал командир. Поделился своей теорией: «А вы билеты эти видели? Может, он вам сказал, что у него они есть, что бы ему дали спокойно отчислиться? Как шантаж... О, видите, он смеётся!» Сука! Это был один из тех моментов, когда счёт идёт на слова и секунды. Ещё одно слово из его капитанского рта, ещё пару секунд его бреда, и моё усиливающееся страстное желание разморозить ему голову чем-нибудь тяжёлым перевесило бы то, что мне было терять. Но этого, как обычно, не случилось. И кроме того, мать была рядом. Наверное, не лучшее для неё было бы зрелище.

Когда мы с ней снова заговорили, я сказал, что бы она даже думать не смела о словах командира.

Что всё, что он говорил — полная чушь. Она ответила, что знает это. «Но ты пойми, он просто тебя расшевелить хотел! Потому что ему не безразлично, что у вас творится! Он неравнодушный. И неглупый, по нему видно это сразу» - ещё одно моё большое разочарование в ней... Почти что чувство, что тебя предали. Даже не то, что не смогла этого не говорить вслух. А то, что так и не поняла, и не хотела ни за что понимать, как же может быть, что я не желал там учиться, и почему. Что мне нужно было сделать свой собственный выбор. Что она не всегда права, планируя мою жизнь. Что я всё равно во что бы то ни стало сделаю так, что бы ничего из этого не стало правдой. Я ей об этом так и не сказал. И никогда не скажу. Как и обо всём остальном.

Вернулся Юра.

—Слушай, извини за «приятного аппетита», это я погорячился.

—Да я тоже не то совсем сказал. Не в духе просто сегодня.

—Да...

—Слушай, а так ты что вообще на пароходе делаешь?

—Откуда я знаю.

—Ну, ты же на самом деле не считаешь нас пидорасами, да?

—Нет, все очень милые люди. А в курилку я не хожу просто потому что сам не курю и запах мне не очень нравится.

—Ладно. Как продвигается-то? Диалог написал вроде?

—Да. Небольшой такой.

—Ну ты вообще сам смотри, если не нужны они, то можно и не писать их. Хрен с ними, в общем-то. Можно и без диалогов.

«Страдания изобретателя» (Бальзак)

«Так запомни же, запечатлей это в своем еще столь восприимчивом мозгу: человека страшит одиночество. А из всех видов одиночества страшнее всего одиночество душевное. Отшельники древности жили в общении с богом, они пребывали в самом населенном мире, в мире духовном... Первая потребность человека, будь то прокаженный или каторжник, отверженный или недужный, - обрести товарища по судьбе. Жажда утолить это чувство, человек расточает все свои силы, все свое могущество, весь пыл своей души. Не будь этого всепожирающего желания, неужто сатана нашел бы себе сообщников? Тут можно написать целую поэму, как бы вступление к "Потерянному раю", этому поэтическому оправданию мятежа».

Сплесень - соединение двух веревок; чтобы сделать сплесень, концы распускают на пряди и пряди одного конца пробивают в переспущенные пряди другого, а пряди этого последнего пробивают в переспущенные пряди первого.

этому В Индии у нас сидели швартовные концы.
Матрос Антон в Дубае вынул что-то и местные
шмарбы ему шову завязали окончательно.
Вырезал из коробки из-под хлебного сока хохолок,
прикрепил к каске, замотал в простынь себя,
выбегал на мис с арматурой и кобелем убивать
корового рабочего. Кричал, что он второе пришествие
Александра Македонского, и что на этот-то рай он их
индусов, то себя точно добьет. Повезло ему, что в клинику
местную не положили. А на Филиппинах треть населения
живёт в коробках из-под комического металла.
Анан ват по сто долларов дополнительных
в судьи платят при прохождении швартовного
района. Потом весь день провонял колючую с
перевод убирал.

Проснулся в три часа ночи, поднялся в столовую. Выпил два стакана воды и опять пошёл к себе в каюту. Боялся, что опять приснится этот кошмар. Что угодно, только не это.

Я спросил у тебя вот так запросто:

«Может, придётся на меня? Я давно хочу тебя туда сводить, а ты всё время занята, когда приедём...». Ты согласилась.

Странно, я почувствовал, что что-то не так. Мы гуляли.

Следующая сцена была уже у меня дома. Или нет. Но где-то.

Я лежал рядом с тобой и машинально твои руки, а потом и твои. Ты молчала. Совершенно молчала - не просто не говорила ни слова, а не издавала никаких звуков вообще. Тут я встал и ушёл. Потом я помню, как провонсал тебя, когда ты уезжала. Я хотел, что бы ты хоть что-нибудь мне объяснила, но ты только сказала, что на этот раз уезжаешь навсегда.

У меня зазвонил телефон - так же впервые! Я разбил его, но успел посмотреть номер. Это и звонил. И тут я понял, что не так. Я не мог увидеть себя со стороны, и зеркал не было, но я понял, кем я был - Мишей.

Миша умолял тебя. А я даже не мог дозвониться.

Я не мог начать себя бить, не мог сказать тебе, что это не я, потому что на самом деле это я и был. Я нарочно не стал упоминать, где я настигающий, который тогда звонил. Я улыбался. Надеялся на всё это. Я был совершенно спокоен. А когда я проснулся, посмотрел в зеркало, убедился, что я не Миша, то единственное, чем мне хотелось - увидеть, что в своей каюте он тоже не спит. Это знало бы, но крайней мере, что я не сошёл с ума, что этот сон был не случайным. Он был не мной, а Мишей. Если я проснулся, то и он тоже. Как мне хватило сил проснуться... Я

поднялся, выпил два стакана воды и опять пошёл к себе в каюту. Миша находился через одну переборку от меня. Я мог бы услышать его, если бы он только пошевелился, несмотря на шум из машины. Но он так и не издал ни единого шороха.

Траверз - направление, перпендикулярное к курсу судна. Быть на траверзе - быть на линии, перпендикулярной к судну.

В пизду все стихи. И структура съехала нахуй!

Если бы ты только этого захотела, он бы тушил окурки о твои ладони. Мне это снилось каждый раз. Я бы хотел узнать тебя получше, но здесь я всегда так не вовремя просыпаюсь, а в реальности ты живёшь в другом городе. Я обязательно переберусь туда, когда вырасту. Потом вырасту ещё раз и переберусь опять куда-нибудь. А тебя забуду. Это ожидания и двери. Когда совсем не ожидаешь от двери подвоха и обхватываешь ручку, пытаешься открыть её кистью, оказывается, что просчитался. Тогда теряешься и от отчаяния наваливаешься всем весом, нелепо, как если бы сил не хватало. Всегда нужно ожидать. Мыслей так много, но ни одна не вяжется с другой. Они как капли воды — падают по одной и приземляются в разных местах, оставляя только бессмысленные кляксы. Всё слишком очевидно. Мёд не капает, но струей льётся так долго, что кажется, уже целая банка вылилась, а он только с ложечки нитью тянется. Со мной такого никогда не случается. Я не думаю ни о чём месяцами, неделями или днями. За это я недолюбливаю большинство книг. Книги имеют посредственное отношение к литературе. Меня, конечно, тоже воротит от «вообще нормально», «по идее» и «в смысле», но из-за всей этой графоманской херни (можно написать это слово намеренно) приходится читать книги до конца, так долго, что бы в итоге обнаружить пару, а то и вовсе одну идею. Все эти поставленные диалоги, прямо как в жизни, все эти описания обстановки, все приёмы, предназначенные для такой пошлятины как трансляция изображения окружающего мира для отображения внутреннего содержания героя. И сами герои тоже. Всё это давно себя изжило и абсолютно не нужно. Это, в конечном счете, не красиво само по себе. Что действительно красиво, так это идеи. Я не могу оставить один сюжет и довести его до конца. Не могу описывать что-либо страницами или минутами. Это так скучно. Или это я нудный. Какая разница. Разницы не существует примерно так же, как и свободы. Не просто не существует, ясно и конкретно. Нет и нет. Это было бы просто. Но вместо этого разница и свобода вроде должны существовать, их идея есть. Идея настолько видимая, что для того что бы почаще употреблять это слова, ими обозвали совершенно неподходящие вещи. Так, например, слово склерометр употребляется не так часто, потому что идея его не так очевидна. Но свободой и разницей называют вещи, часто встречающиеся в быту. Вот свободой, например, обозначают наличие выбора. Даже вуалируют нагло, что бы никто не догадался - «свобода выбора». Это всё так очевидно, что даже скучно. Выбор сам по себе ограничение, истинная противоположность свободы, ловушка. Разница должна бы обеспечивать наличие выбора. Но её не существует. А странно, выбор-то есть. Надо бы и разнице быть, но её нет. Из-за того, что всё перепутано: это выбор должен обеспечивать наличие разницы. Если можно поступить по-разному, то от этого выбора должно что-то зависеть, а раз так, то было бы очевидно, если бы этот выбор основывался на разнице итогов. Однако то, что разницы нет, не отменяет наличие выбора. Это-то как раз самое ужасное. Перечислить доказательства того, что никакой разницы нет: то или это, тут — там. «Какая разница что написать» - слишком банальная концовка. Формирование и оформление словами идеи так канонично — начиная выражать одно, нельзя перейти к другому. И сама идея, если её только начнут о веществе, перестаёт быть идеей и становится лишь линией доказательств, цепляющихся лишь друг за друга и не терпящих поправок или свободного течения мысли. Идея не может измениться, если она уже высказана. Нельзя противоречить себе. Точно как нельзя себя жалеть. Только можно. Потому что свобода, и разница есть. Они рождаются из противоречия. Или порождают его. «Какая разница» - слишком банальная концовка.

Миша зашёл в комнату. Он уже начинает меня доставать,
а мне предстоит провести с ним неразумно четыре месяца.

Донкерман зашёл в столовую. Свет из иллюминатора не падал отпечатком, а рассеивался повсюду равномерно, делая всё таким шершавым, матовым, затирая всё как наждачная бумага. Душно так, что мои ступни ощущаются мне запечённым картофелем. Если я попытаюсь встать со своего места, они раздавятся подо мной и я упаду. Донкерман обрадовался персикам, на которые я смотрю уже минут пять. Мы поделились друг с другом видением идеального персика. Ему нравились чуть кисловатые и твёрдые. Я надкусил один. Мякоть легко отошла от косточки. Язык я обжёг ещё вчера за ужином. Дул на борщ, но картошке нужно больше времени, чем бульону, что бы остыть. Шершавую кожуру я перевернул к небу. Донкерман сидел в своей шапке и улыбался, смотря, как я ем. Это так честно. Искусство больше таким быть не может. Искусство превратилось в инструмент создания элиты. Если разбираешься в искусстве — элитарен, потому что простому человеку искусство не понять. Или ещё хуже: искусство просто рекламирует само себя. Воспевается форма, содержание может быть любым. Достаточно поместить банку колы в музей.

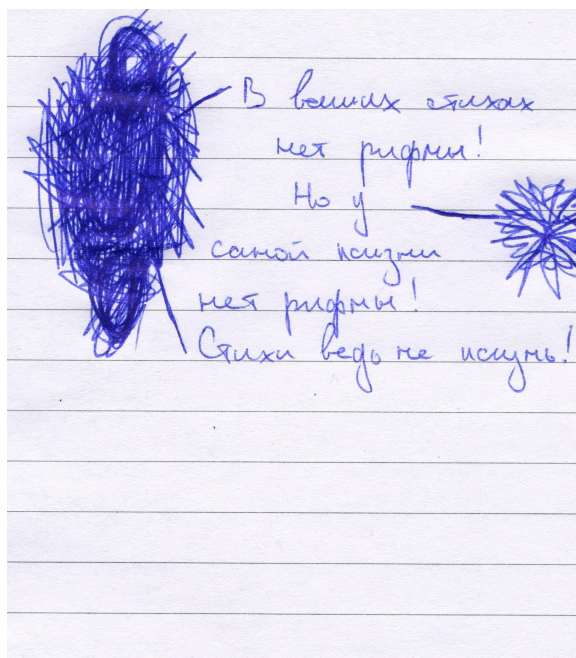
Трое дельфинов плыли перед нами, держась в полуметре от бульба. Хороший знак. Они игрались с нами, как если бы судно было живым существом. Может, они насмеются над всем этим, и правильно. Люди даже не могут плавать, а если и плавают то на огромных смешных металлических лодках, и только для того, что бы перевезти через океаны немного мёртвой плоти Земли. И только за деньги. Загрязняя и разрушая воду и воздух на всём своём пути. Дельфины выпрыгивали из воды и стояли на хвостах.

Фото – тридцатилетний Сергей Левченко

Одержать или одерживать
(говоря о руле) - уменьшить
 быстроту, с которой катится судно,
 когда положен руль право или лево.
 По команде одерживай! рулевой
 отводит руль, ставит его или прямо,
 или близко к этому положению.

Я так уже делал, извини. Я расскажу тебе всё. Ты говорила, что я честный. Так что мне остаётся только следовать этому. Я как обычно не смогу подобрать никаких слов. И просто так и выпалю всё, за одну секунду - на дольше меня не хватит. Не знаю, наверное, это будет так ожидаемо. Ты даже не удивишься. Может, даже уже подготовишь ответ. Я его тоже уже буду знать. Уже сейчас знаю. Я говорил, со мной это случалось. Ты скажешь, что я ещё не вырос. Или что я...

...блдь, так противно это писать - криторно выходит, надо шёстче

Или что ты ещё не готова. Не знаю я, к чему ты там не готова. Я тебе ничего не предлагал. В общем-то в этом и весь смысл. Я ничего не ожидаю. Я просто пользуюсь тобой и притом ещё и заставляю тебя чувствовать себя виноватой. Или не виноватой, но хотя бы усталость ты обязательно ощутишь, я обещаю. Жаль, что не увижу, как ты соберёшься плакать или разозлишься. То, что ты так далеко, тоже не случайно. Мне не нужно что-то достигаемое или выполнимое. Чем более ожидаемым будет крах, тем лучше для меня. Тем больше я смогу открыться тебе. Не подумай, что я издеваюсь над тобой, что это просто так или ради смеха. Мне это просто нужно. Я действительно долго сам себе не признавался, потом ещё дольше мечтал о тебе, избегал, напрашивался. Чёрт, опять к пошлости скатился. Но я буду идти к этому так же долго сам, как долго и буду готовить тебя. Но конечно ты будешь не готова к тому, с какой показной выстраданностью и жалостью я всё преподнесу. Это будет выглядеть избито, стандартно, сентиментально до рвоты. Хотя я постараюсь завуалировать всё своей романтичностью и искренностью, и найду несколько довольно интересных оборотов и ходов. Естественно, ничего не поможет. Ты объяснишь мне, что будет лучше забыть об этой нелепой идее. И что я найду ещё получше (чёрт, верно подмечено). А лучше всего, если ты меня пошлешь. Настоящая удача, триумф. Я долго шёл к пониманию, как это работает. Механизм прост: освобождение от привязанностей даёт нескончаемый выбор эмоций, любые на выбор: от безразличия до эйфории и горести. Захочу, и буду жалеть себя, захочу, и буду проклинать тебя и себя, захочу, и буду до бесконечности прокручивать всё в голове и анализировать. Могу тебя успокоить — я никому не стану рассказывать, этим я ни с кем делиться не желаю. Жаль только, что ты тоже будешь всё это помнить. Ну, по крайней мере, теперь ты знаешь, что была не менее предсказуема чем я. Да, чуть не забыл — ещё раз извини.

*Если сваришь суп из
русских, он будет
считаться
нашим или чужим?*

Вуди Аллен замечательный режиссёр. Не так-то просто снять что-нибудь интересное про престарелого мизантропа, ещё и со счастливым концом. По крайней мере в его фильмах вообще есть концовка. Не знаю, присуща ли действительности некоторая завершённость. Это было бы очень кстати. В таком случае можно было бы не раздумывая больше утверждать и меньше задавать вопросов. Больше конкретики, больше контраста. В финале все смотрят прямо в камеру.

Блядь, как же всё это заебалось.

Клянусь, если этот чудак ещё хоть раз
попугает за обедом над фасолью, или скажется,
что я ничего совет не ем и скоро отйду
конься, я, блядь, придушу его и сброшу за борт.
А вообще, я тут мелкого устроилась. Кук Милана Анатольевна

сразу смекнула, что к чему. За это ей огромное спасибо. И еда вкусная. Это оказалось для неё почти привычным — ревизор (2ПКМ) тоже мясо не ест. Правда, он кришнаит. Или почти кришнаит, по крайней мере шлюхи и бухло его карму не портят совершенно. В книжке по аюр-ведам, которую он мне дал, зелёным маркером выделены абзацы, в которых идёт речь о вреде и пользе отдельных продуктов. И, между прочим, котлеты он называет «трупятиной», а говядину — мясом матери Земли.

Андрей за столом рассуждал о пользе для сердца сала.

А я вот до этого не представлял, как вообще можно

приготовить что-то из картофеля и оливки. На день рождения капитана Милана Анатольевна пекла торт. Милана Анатольевна единственная женщина, специально для меня испёкшая шоколадный торт без яиц и молока, «как я люблю».

И пиццу. Но всё равно я на ней не сижу. В Америке еда совершенно отвратительная. Зато в магазинах не обязательно читать состав — все аллергены прописывают отдельно, да и маркировок всяких хватает, вроде «vegan», «fair trade» и т. п. Хотя, конечно, всё это настолько дерьмо, что даже стыдно, что я вообще об этом вспомнил. Арахисовая паста и соевое молоко стоят копейки. Равно как и шоколад и протеиновые батончики. В Гаете мне даже удалось поесть пиццы без сыра, хотя пиццайоло смотрел на меня явно как на придурка, когда я её заказывал. В Японии на улицах продают лапшу для офисных работников. Готовую, её можно есть прямо на ходу, высасывая понемногу из пакета. А на Филиппинах собирал кокосы и покупал связки шарообразных бананов. Настоящие живые бананы — с косточками.

Я боюсь, что эти один-единственный свой день
нахо, что бы боялся о съёмо, ограничивающаю меня
Проблема с лишним. Неясные, не запоминающиеся образы
наше сна. Не могу заговорить ни с кем на улице.
В автобусе где уюда. Стоя ринсе улыбаюсь. На пароходе
нужно поддерживать нейтралитет со всеми
и не вступать в открытые конфликты. Людей там и так
мало. Сдерживать себя становится всё
труднее. Всё это помает тебя.

Не знаю, насколько это может усилить мою неспособность (а может, нелюбовь) взаимодействовать с миром, но я с самого начала ни разу не позвонил никому и не написал, хотя возможность есть. Если изоляция и одиночество, то полные и настоящие. Это и так незаметно подмывает яму в моём сознании; точит как вода стекло; а я ещё и сам чуть не сорвался — достал из сумки конверты с письмами и фотографии. Одну фотографию дала мне ты, когда я отправлялся в самый свой первый рейс. Бумага почти продавлена надписью на обратной стороне — почерк с нажимом, твёрдый. «Попутного тебе ветра! Возвращайся скорее». Я уже начал забывать, с кем я дружу, о чём и с кем люблю поговорить, как у меня вообще могут быть друзья. Даже не знаю, может я уже вообще боюсь, что когда буду дома, позвоню, скажу «Привет», а мне ответят: «Ну привет...», и всё. Время здесь течёт немного по-другому. Вроде и не так уж медленно, а вроде и стоит на месте. Ничего не происходит и некуда пойти. Почти никто не знает, какой день недели. Ориентироваться удаётся, правда, по блюдам: в понедельник на завтрак картошка с рыбой, в четверг выпечка на ужин, а в субботу — пельмени. А письма у меня твои. Два твоих письма. Думал, перечитаю. Не стал — просто подержал в руках и спрятал обратно. Одно из писем написано на листах, на которых были напечатаны какие-то накладные. Конечно, по этой детали ничего не восстановишь. Скорее всего, я больше не напишу тебе.

Прыжок: взгляд, оценка, разгон, бёдра, икры, голень, стопы, отрыв, балансирование руками, корпус, носки, амортизация, пальцами коснуться земли. Продолжать бег. Первый. Второй. Между последними двумя контейнерами расстояние намного больше тех, которые уже преодолел. Не думать об этом. Не замедляться. Вычеркнуть из алгоритма взгляд и оценку. Отрыв, балансирование руками. Настоящий прыжок. Коснуться поверхности всей ладонью. Остановиться. Обернуться. Дима следующий. Первый, второй. Замнулся, взглянув на последний контейнер. Замедлился, но всё таки прыгнул. Ниже нужного, ребро контейнера на уровне его груди. Успел подставить руку, врезался, упал на спину. Спуститься по дверным замкам, подбежать к нему, поднять. У Димы сломана рука. Нам было по одиннадцать лет. Травмпункт забит, сидим в очереди. Рентген, гипс. Мама Димы приехала. Ругать ни меня, ни его не стала. Ободряла сына шутками, когда он садился в машину. Говорила, что теперь он будет ходить прыгать по гаражам чаще — тренироваться. Я ушёл домой пешком. Часто после школы ездили к Диме в гости, хотя он жил совсем в другой стороне. В вытянутом вдоль бухты городе одна дорога. Ни я, ни Дима, ни Женя, ни Коля не ходили в школы своих районов. Она была ровно посередине между ними, между нами. Каждый день после уроков спускались вместе на остановку. Мне одному не нужно было переходить дорогу, что бы уехать в сторону дома. Но каждый раз переходил со всеми и ждал их автобус, и только потом переходил обратно и садился в свой. Болтали, смеялись, пошлили. Иногда не хотелось ехать домой одному и садился в их автобус, ехал в совсем другую сторону. Заходил к Диме в гости. Потом домой ехал один в два раза дольше. На уроки времени почти не оставалось. Не делал их почти никогда. Всегда отвечал родителям, что всё сделал. Прошлое таково, что зная его, знаешь и то, что было после, до того момента, из которого ты это прошлое наблюдаешь. В прошлое можно погрузиться и сделать его на время почти настоящим. От настоящего настоящего такое прошлое будет отличать только то, что в истинном настоящем нельзя знать, что будет после. В прошлом же можно лишь притворяться, что не знаешь цепь событий, не видишь последствия каждого действия. Я знаю, что стало со всеми нами потом. Родители Димы развелись. Родители Кости не справились с ним и отправили его вместе с Димой и его мамой учиться в Москву. Ещё там, в городе, в котором мы вместе росли, мы начинали экспериментировать с наркотиками вместе. В Москве Дима с Костей продолжили. Я и Женя встретили их с внушительным запасом московского дерьма через год после их отъезда. После этого мы их ни разу не видели. С бухлом и прочим я и Женя завязали одновременно. Уехали оттуда прочь. Коля до сих пор живёт там. Для него практически ничего не изменилось. Все вместе мы теперь не общаемся, Я не знаю как у них дела, чем они занимаются. Можно только иногда притворяться, что прошлое — это настоящее. Но и это незачем.

Стамбул -
красивый город.
Только флагов
Турецких много.

Рым - железное кольцо, вбиваемое в разных местах судна для закрепления за него снастей.

Зыбь - плавное волнение или колебание моря, бывающее обыкновенно или после ветра, или предвещающее его приближение.

Всем хочется любви. Даже людям с тонкими губами и людям без бровей. Сходить на кухню, выключить свет, съесть банан и кукурузу. Здесь нет кухни. Надеваю очки – в толстой чёрной оправе. С роду очков не носил, а теперь буду – нашёл их в Саванне на асфальте. Очень много не хватает, но когда из Европы летишь домой по оплаченному компанией билету, то начинаешь хотеть, что бы не было дома. Взгляд, походка, речь. Во мне просыпается ненависть. От плохого отвыкаешь. Здесь даже мои татуировки замечают. Если бы не было дома – некуда было бы возвращаться. Ничего не чувствую. Симпатичная девушка в кафе смотрит на меня несколько минут. Потом подходит. В любом случае, я с ней не переспал. Женья говорит, что меня ничто не изменит – у меня со второго класса влюблённость не проходит. Всё проходит. Просто нового ничего не появляется. В Буэнос-Айресе выходили на берег, и так как все пошли к шлюхам, я гулял один, как мне и хотелось. Нашёл интересную книжную лавку, но денег не было. Просто смотрел по сторонам. Первый день дома танцевал. Потом пошёл в парикмахерскую – уже четыре года не ходил в такого рода заведения. Теперь я большой и хорошо выгляжу. Ну, наверное. Додельваю зин. Не стану перечитывать, а то захочется всё исправить или вообще станет стыдно, и не выпущу ничего. Сварю гречки, поджарю овощей и буду ждать тебя на выходные. Гречки на судах почти никогда не бывает – слишком экстравагантно для крупы быть гречкой. Куплю кроссовки и напишу тебе «привет».

Всегда стойте на своём, не предавайте себя. Даже если кажется, что дело касается мелочи, самой несущественной — стойте на своём.
До конца отстаивайте своё видение вещей. Мы спорили до звона в висках о том, Какого цвета на мне свитер с воротником.
Я знаю, я твёрдо знаю, что это тёмно-синий, но мне всё твердят, что это просто выцветший чёрный и в том,
Что я заблуждаюсь, нет ничего неестественного. Потом
Я, мол, пойму, как был глуп и слеп к истинному восприятию.
Что я об истине не имею никакого понятия.
Но это был синий, им меня не заговорить — я видел это всем сердцем. Я ни в чём не уверен, но только в одном -
На мне был тёмно-синий свитер с воротником.

Вот бы мне уметь быть не мной.
Уметь забывать по утрам разменивать сахар в кружке чая,
не переживать нисколько, писать всё за один раз.
Помнить баклажаны, в конце концов.

Я уже устал пытаться здесь что-нибудь написать. И зачем-то собрался почитать телефон за пятьсот долларов только потому, что у нас от него стоит токсин. Всё вокруг покрылось несмываемым слоем бреда. И сам Полю бы здесь не понравилось - экзистенции тут хватает с лихвой. Существуют даже точки на карте, которые я ставлю. Мима скучный козёл: я смеялся его на бахте, когда мы шли по реке Миссисипи. Он сказал мне, чтобы я не забывал ставить точки через каждые пять минут, а когда ответил, что легче ставить их, когда проезжаешь бабки, этот убогодок сказал, что ебать в таком случае будет меня. Да хоть бы и так. Можешь, это разбавило бы однородную смесь из завтраков, чаёв, бахт с перерывами на спортзал.

Ничего не случается. Можешь, мне следует намеренно делать что-то неправильно, например, журнал от пизды заполнить, что бы меня хоть поругали, или что бы в отчёте о практике капитан написал бы мне, что я не годен к работе в море. Это было бы моим счастливым билетом. Но мне начинает казаться, что это никогда не закончится. Я не считаю дни, не мечтаю о возвращении домой, не думаю о том, что я тут работаю и зарабатываю. Просто я как-то оказался здесь, а как выбраться, не знаю. Да и не хочу. В конечном итоге, нет никакой разницы, где просыпаться, где есть и какать, где продавать восемь часов из своих суток. Нет никакой разницы, качает или нет, есть ли у тебя в шкафу спасательный костюм и шумит ли твой вакуумный унитаз, над которым висит памятка, что нельзя бросать туда мусор и химикаты. И умирать тоже всё равно как. Можно конечно и утонуть, но лучше проявить изобретательность. Матрос Юра вот подкрашивает грузовые марки в порту, свесившись прямо в промежуток между судном и причалом. Если бы мы сместились хоть на двадцать сантиметров, его бы неминуемо раздавило. Всё из-за штрафа, который бы пришлось платить за необновлённые грузовые марки.

Хотелось хлопнуть тебе сзади ладони на глаза, но
просто щёлкнул. Ничего личного.

Запенговать - определить направление по компасу.

Больше всего нам нравится страдать. Не так это, а тихо грустить, так, что бы только такие же калеки как мы могли это заметить. Слушать заунывный джаз, смотреть итальянское кино в наушниках, молча есть, и отвечать на просьбы звуком, не открывая рта. Какая разница, мы всего лишь люди и ничего никогда не изменить, потому что для этого нужно, что бы ты был не один, а одиноки все. Но если всё, что вообще может быть, это грусть, то нужно наслаждаться ею. Это как гордиться своим ничтожеством, когда напиваешься и блюёшь на людях. То есть, в этом что-то есть. Вам никогда нас не сломить, потому что всё, что вы ненавидите, есть мы.

И чем больше ты отдаляешься от людей, тем меньше насильничают друзья, или когда не звонишь никому, приезжая домой, тем сильнее спадает страдание. Можно не стесняться извешивать высокопарными выражениями и связками поганых лозунгов слов, которые когда-то были у кого-то. Можно ни с кем не говорить, а если писать, можно пьяным набрать номер, по которому не звонил уже полугода и откровенно малости всякого. Иногда лучше вообще не думать. Особенно если чувствуешь потребность высказывать кому угодно свои мысли.

«Где у вас покататься можно?» - на мостик зашёл мальчик восьми лет. Волосы светлые, курчавые, джинсовая жилетка, на ногах ролики. Всё бы ничего — глаза слепые и смотрят в разные стороны.

Как он попал сюда?

С чего это ему мне скитаться - как-нибудь я ничего такого видеть не мог. Образы, такие как слепой, стоящий посреди пустой комнаты.

Никаких ярких чувств такие образы не вызывают — их легко вообразить и изобразить. А чувства вне контекста изобразить почти нельзя. Изобразить, то есть, можно, а воспринять сложно. Образы и чувства соединяются довольно легко. Механизм сострадания. Когда испытываемые видят на экране руку, берущую яблоко, у большинства подёргиваются пальцы. От кровавых сцен в фильмах отворачиваются. Изобразить что-нибудь, способное вызывать эмоции, поместить в характерную обстановку — готово.

За все тринадцать дней океанского перехода не встретилось ни одно дерево, а осень была предостаточной. Осень так. подходит ко всему. Осень — это вам не желтеющие деревья. Этому.

Робу забрал домой-
буду красоваться
или на дне
работать.
Если дачу
мне дадут.

Двадцать два часа по этому ручью — рекой Парану назвать язык не поворачивается. На кой чёрт в Аргентине нужно пальмовое масло откуда-то? На ужин сегодня пельмени. Опять пельмени. Вчера во время швартовки порвали пять концов. Стальной трос, плетение на девять каболок, двадцать миллиметров в диаметре. Я разрываю металл. Металлическая цепочка из блестящих шариков, которыми обычно снабжают брелки, в моих руках становится двумя бесполезными обрывками по два сантиметра каждый. Теперь это можно только выбросить. Я хочу, что бы кто-нибудь разорвал меня на две бесполезные части. Никакого растяжения. Это и в детстве не срабатывало, когда я медленно рос, и родители тянули меня вниз, пока я висел на турнике. Никакого растяжения. Только хлопок, а потом звонкий свист от меня, когда я буду рассекать воздух, точно пруттик. Это будет больше, чем избавление. Конечная станция. Приплыли. Не нужно больше ни мечтать, ни стараться изничтожить в своём мозгу все эти ничтожные мечты. Несбыточные картины настойчиво выступают на обратной стороне век, и стоит мне закрыть глаза, они становятся передо мной. Пытаюсь думать о чём-то настоящем, представить что-то, что имело бы больше общего с этой реальностью. Не очень-то выходит. Хочу быть тросом, стальным, плетение на девять каболок, двадцать миллиметров в диаметре. Лопнуть. Волокна рвутся одно за другим, сотни, за доли секунды. Меня нет. Боли больше нет, потому что не нужно больше мечтать.

Болит живот. Насекомые Кафки подчинялись вольбахии.

Вот пусть они на хер идут все там! Даже объяснять не хочется ничего. Выродки убогие! Их митинги я бы закидал тухлятиной, а во время их проссаной революции убивал бы их всех без разбору из старого ружья. Бездомные, кошечки-собачки, инвалиды, ветераны, пожилые, дети-сироты — разрывают их сердца. Ебут друг-друга направо и налево.

Самые лучшие цвета — те, которых нет в радуге.
какой-нибудь бурый или наоборот — нежно-розовый (как слезы порно-
актрисы). Хорошие люди — те, что называют острое горьким,
и бардовое — просто красным. Увидеть все вещи простыми
и угасшими. Обратительными. Кисточкой
рисовать с растрёпанными, торчащими в разные
стороны жесткими волосками, а не с
острым аккуратным кончиком.

Изоляция и тишина.
Два ящика Холла по пять-десять
каждый, тринадцать смеек.

Брандспойт - переносная пожарная помпа, употребляемая на судах помимо своего прямого назначения и для других надобностей, как то: скачивания палубы и каната, мытья бортов, обливания матросов в жарких странах и проч.

Животных, ходящих и ползающих по суше и на планете несораизмеримо меньше, чем плавающих. Забавно наблюдать, как летает рыба. Целый косяк шёл вблизи судна по правому борту. Минуту под водой — минуту над, в десяти сантиметрах от поверхности. Крылья-плавники сверкают на солнце. В Керчи, когда мы снимались с якоря, ленточным стопором я раздавил крыло одной летучей мыши, которая спряталась туда от солнца. Совсем даже не противная и не страшная — обычный грызун с крыльями. Отчаянно кричала. Попытался взять на руки — укусила. Биться за жизнь, даже когда с тобой покончено. Драться за последние секунды, даже если они не будут наполнены ничем, кроме боли. Летать она не могла. Я свернул ей голову и сбросил в море.

Я счастлив тем, что могу почувствовать. Я ненавижу. Мне не хорошо и не плохо, и я это ненавижу.
Чертова Италия - невозможно ничего написать.

Прежде всего, этого вступления вы читать не должны. Я написал его в порыве, в который раз пересматривая своё видение Боцмана Громова. Хотел добавить искренности, честности.

Я бы рад сделать зин такой, который бы вдохновлял; после прочтения которого хотелось бы пуститься в путешествие, послать к чёрту босса и уволиться, начать творить, начать действовать. Добрый, простой, наивный и прекрасный. Преисполненный революционной анархической романтики. Писать о самом разном, о всём, что ежеминутно вдохновляет меня. Но.

Сейчас таких зинов осталось мало или не осталось вообще. Повсюду — глубина и концептуальность. Стильная вёрстка, технически сложно выполненные фотографии и иллюстрации. Простите и меня за то, что сделал всё не на ксероксе. Но надеюсь, меня можно оправдать. Это тоже совсем не то, ради чего я стал бы тратить оставшееся во мне добро и наивность. Ради этого я не выпустил из себя ребёнка, который, всё же, ещё жив. Да и зин это или нет — не ясно даже мне. Вообще, что это такое.

Сложно писать о чём-то одном. Сложно сохранить одно настроение, выдержать всё в одних тонах. Иногда сложно извлекать из себя некоторые отвратительные, страшные и уродливые мысли, чувства, воспоминания. Это изнанка. Изнанка меня, изнанка радости, изнанка того, чем иногда кажется жизнь. Но это - правда, которую я пропускаю через себя и стараюсь втиснуть в образы и слова. Этого хватит, может, на час чтения. Или на минуту беглого просмотра. Совсем немного, но это всё. Кроме того, спешить я совсем не мог и не хотел. Часто на этом судне совсем ничего не давало мне поводов продолжать заниматься Громовым. Кроме того, иногда я выдерживал свои ощущения в себе неделями и только потом из чего-то внешнего получалось что-то внутреннее. Ничего не может появиться из ниоткуда. Всё — всего лишь впечатления. Зато, надеюсь, нет поводов вам сомневаться в моей искренности.

Искренне надеюсь, что если это и не поможет вам, то будет хотя бы не противно и не скучно. Приятного чтения и спасибо.

Сегодня закончились носки

thousandjokeszine

@
gmail
.com

